

И. И. ВИШНЕВСКАЯ

ГРУППА ПРЕДМЕТОВ ПАРАДНОГО КОНСКОГО
УБРАНСТВА ИРАНСКОЙ РАБОТЫ XVI—XVII
ВЕКОВ ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЕВ КРЕМЛЯ

В собрании Государственных музеев Московского Кремля хранится небольшая коллекция предметов парадного конского убранства иранской работы XVI — XVII вв. — два седла, две оголови и паперсть (нагрудная часть конского убора)¹. Седла и одна из оголовей уже были объектами внимания исследователей², вторая оголовь ранее не публиковалась.

Настоящее обращение к памятникам продиктовано попыткой внесения некоторых атрибуционных уточнений и возможной локализации центра их производства.

Все рассматриваемые предметы упоминаются в документах XVI—XVII вв. — материалах Посольского приказа, Описи царской казны 1640 г., Описи Конюшенной казны 1706 г.

Возможность точного соотнесения памятников с архивными данными имеет большое значение как при изучении проблем иранского искусства, так и для освещения вопросов русско-иранских дипломатических отношений. Фундаментальной работы, посвященной детальному изучению дипломатических и торговых связей России с Ираном, пока нет, хотя многие исследователи неоднократно обращались к отдельным аспектам этой проблемы. Итог этих исследований подводит монография П.П. Бушева³. Несомненной заслугой автора является обработка и публикация новых архивных данных, и прежде всего материалов Посольского приказа. Но в них имеются значительные лакуны (почти не представлены перечни посольских привозов, да и дела далеко не всех посольств сохранились полностью). Поэтому полное, всестороннее освещение проблемы невозможно без привлечения материалов из архивов Оружейной палаты, хранящихся в ЦГАДА⁴. Важное значение в связи с этим приобретают упоминания имен послов и дат привозов, имеющиеся в описях царской казны, материалах приходо-расходных книг и т. д. Однако и в этом архиве документы конца XVI — начала XVII в. сохранились не полностью. Самые ранние описи царской казны относятся к 1588 и 1634 гг., а расходные книги — к 1584—1585 гг., но в них часто встречаются упоминания о событиях более раннего времени. Например, в Описи царской казны 1640 г. в разделе «разные товары» записано: «Два бархата (кызыльбашские)... прислал к Государю в дарех кызыльбашский шах во 137 (1629—1630. — *И.В.*) г.» и далее: «...бархат... куплен у кызыльбашскаго посла у Мамет-Цылибека в 137 г.»⁵.

Наиболее эффективным нам представляется метод сравнительного анализа разных источников, при котором подтверждаются или уточняются архивные данные. Пользуясь им, оказалось возможным внести некоторые уточнения в атрибуцию рассматриваемых памятников. Так, в самой ранней публикации материалов, связанных с иранским посольством 1589—1590 гг., читаем: «От кызыльбашского Обас шаха помин-

1. Седло. Иран.
Конец XVI в.
Музеи Кремля

ков: седло, кизыльбашское дело, настилка бархат кизыльбашьской, шолк червчет, да лазорев, з золотом, луки и звезды кованы золотом, в луках и в звездах вделано яхонты червчаты и лалы и бирюзы, войлоки бархат кизыльбашьской розные шелки, крыльца и тебенки - камка кизыльбашьская; стремяна железные обогнуты серебром, пряжи серебряный, пуслища и подпруги ткани в крушки, шолк черн да лазорев да черевчат, да бел, з золотом и с серебром; цена пятьсот двадцать шесть рублей»⁶. В перечне привозов этого же посольства, опубликованном в последнее время, значится: «Седло персидской работы, отделано бархатом и шелком с золотом... луки и звезды кованы золотом с вделанными яхонты червчаты и лалы и бирюза... ценою 526 рублей»⁷. Приводимые описания несколько различны по форме, но, несомненно, относятся к одному и тому же предмету. Кроме того, это подтверждает одинаковая сумма оценки.

Занимавшаяся специальным исследованием Конюшенной казны М.М. Денисова сочла возможным идентифицировать седло привоза 1589—1590 гг. с одним из седел коллекции Оружейной палаты⁸. Седло

имеет высокую, узкую переднюю луку с круглым завершением и пологую низкую заднюю. Высота передней луки — 31 см, задней — 23 см, общая длина седла — 47 см. Оправа, золотая, с невысоким чеканным растительным узором по канфаренному фону, украшена крупными рубинами, бирюзой, жемчугом, между которыми расположены мелкие камни и цветные стекла. Седло обито турецким рытым бархатом с крупным цветочным узором, подбито темно-красным сафьяном. Следует отметить, что седло подверглось позднейшей переделке. Не сохранились его первоначальная обивка, тебеньки, стремяна.

Опубликованные документы по истории русско-иранских дипломатических отношений дают возможность уточнить некоторые детали, связанные с этим, одним из самых ранних в коллекции Музеев Кремля, седлом. В мае 1589 г. шахом Аббасом I было отправлено в Москву посольство. Члены посольства вместе с возвращавшимся из Ирана русским послом Григорием Борисовичем Васильчиковым прибыли 28 августа 1589 г. в Астрахань, 1 ноября 1590 г. — в Казань. Задержавшись на несколько месяцев в Нижнем Новгороде и Ярославле, они только 5 мая 1590 г. попали в Москву. Десятого мая их принял царь Федор Иоаннович. Поднесенные царю шахские дары состояли из седла, узды и па-персти, шатра, ковра, драгоценных тканей и других предметов и были оценены в 1529 руб.⁹. Посольство состояло из тридцати одного человека. Во всех документах посольства главным послом, подносящим шахские дары, вручающим шахскую грамоту и ведущим переговоры, назван Бутак-бек. Он же в качестве главного посла упоминается и в статейном списке Григория Борисовича Васильчикова¹⁰.

Наше седло в литературе значится как привоз посла Анди-бека¹¹. Гилянский купец Анди-бек был послом от шаха Ходабендэ в 1587 — 1588 гг., в посольстве же 1589 г. он был только вторым послом. Думается, в атрибуции седла необходимо указывать и имя первого посла — Бутак-бека.

В Описи царской казны 1640 г. значится седло иранского привоза 1635 г.: «Седло кизыльбашское, оправлено золотом с камнем: с лалы, и с изумруды, и с бирюзы и с жемчуги. В звездах (sic!) восемь колец, да два пробойца без колец. Покрыто бархатом кизыльбашским золотным... Цена 350 р., а на том же ярлыке написано: немцы золотого дела ценили 660 руб. Прислал к Государю в дарех кизыльбашской шах во 143 г.»¹². В Описи 1706 г. о седле говорится: «Седло (золотое) казыльбашское, нарезка и крыльца бархат золотной персицкой, полосами; по нем травы розные шолки. Луки оправлены золотом с камнями, сяхонты червчатые, с изумруды, и с лалы, и с бирюзы и с зерны жемчужными половинчатыми. На передних и на задних известях 8 колец с петли, да две петли без колец. У крылец 4 гвоздя золотые... А по осмотру у того седла стремян нет. Цена 400 рублей»¹³. Оба описания полностью соответствуют еще одному седлу из коллекции Музеев Кремля¹⁴, что уже отмечалось исследователями. Седло имеет высокую переднюю луку, заканчивающуюся трехлепестковым цветком, низкую и отлогую заднюю. Высота передней луки — 33 см, задней — 16 см., общая длина седла — 47 см. Оправа золотая, с невысоким чеканным растительным узором по канфаренному фону, украшена крупными рубинами, изумрудами,

2. Седло. Иран.
Первая половина
XVII в. Музеи
Кремля

бирюзой, жемчугом, свободно расположенными, и мелкими рубинами, бирюзой, зелеными стеклами, создающими цветочный орнамент. Седло обито иранским рытым бархатом с узором из распустившихся гвоздик, расположенных горизонтальными рядами, подбито зеленым сафьяном.

Обращает на себя внимание близость формы и размеров двух рассмотренных седел, сходство их технического и художественного решения, несмотря на почти полувековую разницу во времени исполнения. Думается, что это не случайно. На сходство форм седел обращалось внимание и раньше, но объяснялось это их общим иранским происхождением. Такие седла часто встречаются на иранских миниатюрах¹⁵. Их сглаженная линия сиденья, пологая задняя лука рассчитаны на свободную посадку всадника. Подобной формы седла ведут свое происхождение от седел кочевников времени великого переселения народов. Но на миниатюрах можно увидеть и седла иной формы — так называемые креслообразные, с одинаковой высоты луками, задняя из которых образует высокую спинку¹⁶. Эти седла появились как на Запа-

де, так и на Востоке с обособлением тяжелой конницы и с изменением тактики боя. Их высокие передняя и задняя луки создавали твердую, четко зафиксированную посадку всадника.

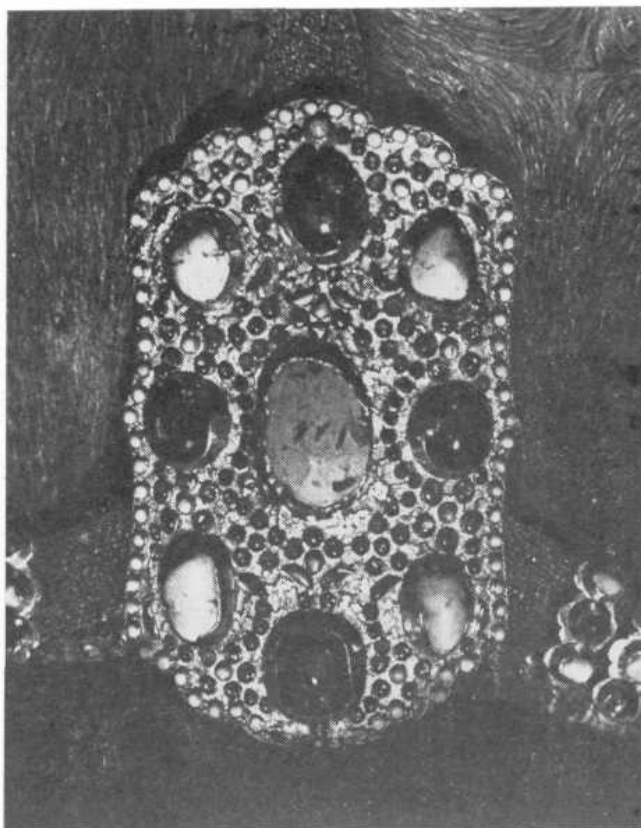
Таким образом, общность формы иранских седел коллекции Музеев Кремля должна быть объяснена не столько их общим иранским происхождением, сколько единым центром производства. Это подтверждает и ряд совпадающих признаков художественного и технического решения рассматриваемых седел. Так, оба седла имеют золотую оправу с чеканным в невысоком рельефе по канфаренному фону растительным узором. Несимметричный, свободно располагающийся по всей поверхности узор состоит из вьющихся тонких стеблей с пятилепестковыми цветами, имеющими один, два или три ряда лепестков, бутонами, косыми удлинёнными листиками «ислими». Золотая оправа украшена драгоценными камнями идентичного состава — рубинами, турмалинами, бирюзой, жемчугом. Объединяющим признаком служит также наличие мелких камней и цветных стекол. Аналогичен и способ крепления драгоценных камней: крупные помещены в высокие касты, повторяющие своими очертаниями природную форму камня, многие касты приближаются к форме цветочных лепестков, разделанных специальными утолщениями. Мелкие рубины, половинки жемчуга, стекла крепятся в невысокие гладкие касты, круглые или имеющие форму косоугольного листочка. Единым является и особый композиционный прием, состоящий в наличии бордюра из крупных и мелких камней и стекол по краям отдельных конструктивных деталей.

Различие в декорировке седел выражается лишь в характере компоновки мелких камней и стекол: на оправе седла привоза 1589—1590 гг. они расположены свободно, заполняя пространство между крупными кастами; на оправе же седла привоза 1635 г. из мелких камней и стекол выложен узор вьющихся стеблей с листиками и пятилепестковыми цветами.

Две оголови и паперсть иранской работы, хранящиеся в Музеев Кремля, также упоминаются в документах XVI — XVII вв. Так, в перечне привозов посольства 1589—1590 гг. вместе с седлом значились: «Узда (то есть оголовь. — *И.В.*) и паперсть хоз чорн, опушено гзом празеленым, пряжи и наузолники и запряжники у паперсти крюки, и запряжники золоты»¹⁷. В Описи царской казны 1640 г. упоминается оголовь, присланная в дар царю в 1635 г. от кизылбашского шаха¹⁸. В Описи Конюшенного приказа 1706 г. эта узда записана более подробно: «Узда (золотая)... плащики невелики, золотые, с каменьем, с изумруды и с лалы. По сторонам на плащах искорки яхонтовые и изумрудные. Меж ошейка и оголови плащ большой золотой, с лалы и с изумруды; на плаще ж искорки яхонтовые и изумрудные маленькие и бирюзки косые... А ся узда прислана к великому государю в дарех от Кизыльбашского шаха Сефии...»¹⁹.

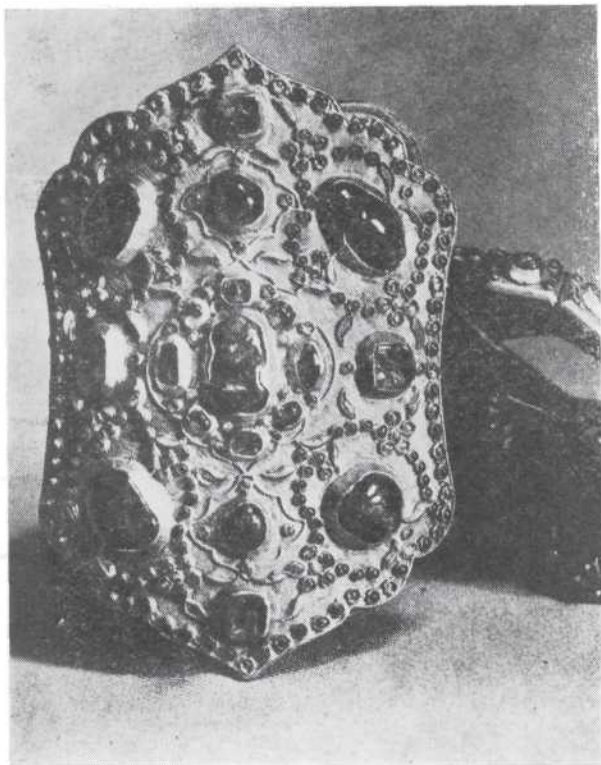
Одна из интересующих нас оголовей и составляющая комплект с ней паперсть набраны по зеленой шелковой тесьме золотыми накладками с рубинами, турмалинами и бирюзой²⁰; другая оголовь набрана по темно-красному кожаному ремню золотым набором (накладками) с рубинами, турмалинами и изумрудами²¹.

3. Оголовь. Деталь.
Иран. Конец XVI в.
Музеи Кремля

Исследователи связывали ранее первую из приведенных выше оголовей с привозом 1635 г. Нам представляется возможной иная идентификация. Для доказательства этого рассмотрим более подробно обе оголови и паперсть. На них имеются большие золотые перемычки-плащи с крупными драгоценными камнями и мелкими камнями и стеклами, выложенными в цветочный узор. Рисунок мелких камней и стекол и состав драгоценных камней в каждом случае различаются. На первой оголови круглая мелкая бирюза, турмалины и красные стекла располагаются в ряд вокруг крупных каатов. Только в местах соприкосновений линий помещены пятилепестковые цветы из тех же камней и стекол. Мелкие камни и стекла находятся почти на середине расстояния между крупными каатами, объединяя их и способствуя равномерной и плотной заполненности поверхности. На перемычке-плаще другой оголови мелкая бирюза, турмалины, красные и зеленые стекла создают узор вьющихся стеблей с пятилепестковыми цветами и косо помещенными листочками. Линии этого узора свободно располагаются на фоне, оставляя незаполненные, четко выделяющиеся участки поверхности. Драгоценные камни на первом плаще-перемычке состоят из рубинов, турмалинов и бирюзы. На втором — из рубинов, турмалинов и изумрудов.

Обратившись еще раз к описанию в документах 1706 г. узды привоза 1635 г., отмечаем наличие изумрудов среди драгоценных камней,

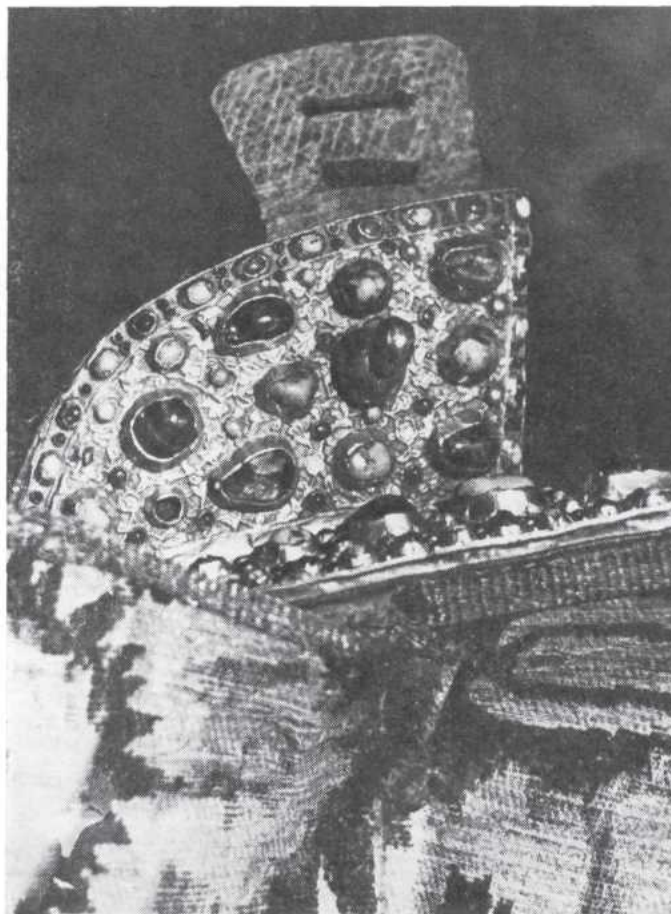
4. Оголовь. Деталь. Иран.
Первая половина XVII в.
Музеи Кремля

«изумрудных искорок», или зеленых стекол, и «бирюзок косых» — камней, составляющих определенный цветочный узор. Несомненно, это относится ко второй из рассматриваемых нами оголовей. Подтверждением этого может служить и аналогия в рисунке, создаваемом мелкими камнями и стеклами, на оправах седла привоза 1635 г. и оголови, отнесенной нами к этому же привозу.

Первую оголовь и паперсть, составляющие комплект, мы относим к более раннему времени — к привозу 1589—1590 гг. Действительно, при сравнении чеканного узора золотой оправы седла и плаща-перемычки оголови выявляется почти полное их совпадение. Одинаков и подбор камней на предметах — рубины, турмалины, бирюза; близким представляется и принцип размещения мелких камней и стекол — и в том и в другом случаях они заполняют фон. По описанию XVI в. оголовь и паперсть были набраны по зеленому кожаному ремню, с черной кожаной подложкой. В настоящее время они укреплены на зеленой шелковой тесьме. Вероятно, это результат более поздней переделки в мастерских Конюшенного приказа Московского Кремля. Можно вспомнить, что и седло этого же привоза также переделывалось. Интересно отметить, что общее цветовое решение оголови и паперсти — сочетание зеленого фона и золотых накладок — при переделке было сохранено.

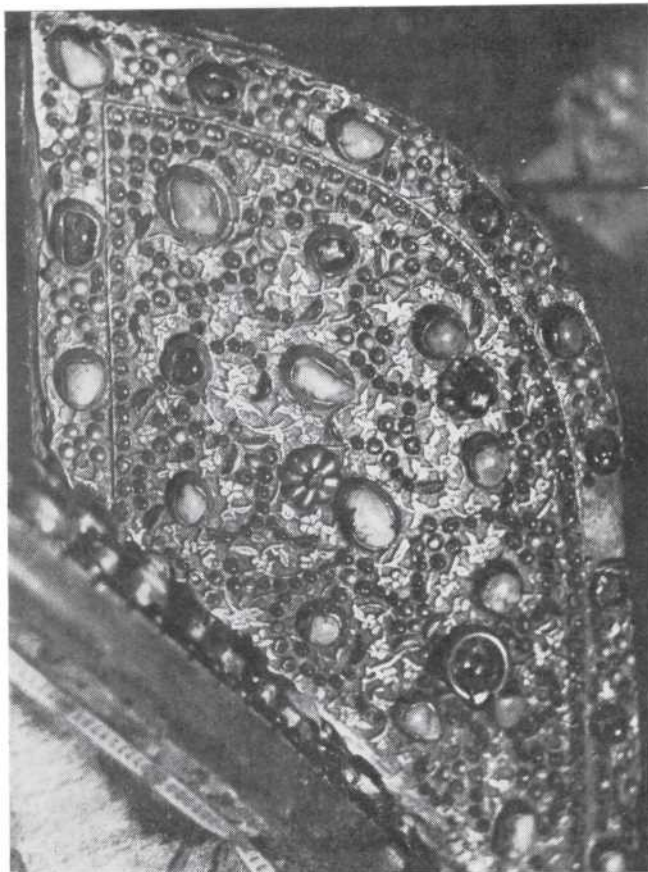
Подводя итог, можно сказать, что все рассмотренные предметы

5. Оправа седла. Деталь.
Иран. Конец XVI в.
Музеи Кремля

парадного конского убранства иранской работы могут быть сгруппированы в два комплекта — посольские привозы 1589—1590 гг. и 1635 г.

Отмечая близость художественного и технического решения этих предметов и предполагая наличие единого центра их производства, необходимо обратить особое внимание на то, что все они имеют золотую оправу с искусно скомпонованными драгоценными камнями. Это дает возможность, на наш взгляд, сузить поиски места производства, связав его с крупным ювелирным центром, и привлечь в качестве аналогий предметы иного, нежели конское убранство, назначения, но также выполненные из золота и драгоценных камней. Единственным музеем, обладающим значительной группой золотых изделий иранской работы конца XVI — XVII вв., являются Музеи Кремля, поэтому в поисках аналогий мы обращаемся к некоторым памятникам из его собрания. Это два трона, один из которых связан с привозом 1604 г. иранского посла Лачин-бека царю Борису Годунову²², а второй — с именем царя Михаила Федоровича²³; кинжал, привезенный иранским купцом Мехмет-Касимом в 1617 г.²⁴, и топорик, числящийся в Описи Большой Государе-

6. Оправа седла. Деталь.
Иран. Первая половина
XVII в. Музеи Кремля

вой казны 1687 г.²⁵. К этой же группе стилистически близки и некоторые другие памятники коллекции Музеев Кремля, ранее не связываемые с иранским искусством: чинаровый посох в золотой оправе с драгоценными камнями, принадлежавший патриарху Филарету²⁶; буйволоковый рог в золотой оправе с камнями, привезенный в 1665 г. в посольских дарах Голландии и принадлежавший царю Алексею Михайловичу²⁷; два золотых мощевика с драгоценными камнями²⁸; золотые запоны на окладе Евангелия русской работы XVIII в., вклада архимандрита Мефодия в церковь Успения в Астрахани²⁹.

Все эти предметы выполнены из золота или имеют золотую оправу с проработкой канфаренъем, с чеканным свободно расположенным узором, состоящим из одних и тех же орнаментальных мотивов — пятилепестковых цветов, бутонов, листиков «ислими». Объединяет их также идентичный состав драгоценных камней и способ их компоновки, использование цветных стекол, обозначение бордюром контура предметов или отдельных частей. Единым является и особый прием сочетания узора золотой оправы с цветочным орнаментом, выложенным

7. Шараф ал-Хусайни ал-Иазди.
Юноша с лютней. 1594—1595. ГЭ

мелкими камнями и стеклами. Отличает всю группу предметов и благородное колористическое решение — звучные цвета драгоценных камней на матовом золотом фоне.

При доминировании общих признаков имеются и некоторые различия. Так, на некоторых предметах с небольшими плоскостями золотой поверхности отсутствует чеканный узор, или в цветочный узор вводится еще один изобразительный элемент (пышный цветок лотоса на троне царя Бориса Годунова), или растительный чеканный узор дополняется аналогичного рисунка узором из мелких драгоценных камней и стекол. Еще одно, несколько неожиданное на первый взгляд отличие — на фоне уже знакомого растительного узора на лицевой стороне мощевика помещено изображение Распятия, а на другом мощевике — четырехконечный крест из крупных драгоценных камней.

Значительно преобладающее количество совпадающих признаков дает основание говорить о едином центре производства всей группы рассмотренных памятников. Этот центр, по-видимому, специализировался на изготовлении вещей из золота и драгоценных камней. Если вспомнить, что Иран в XVI — XVII вв. не располагал хорошо развитой местной добычей золота³⁰, а пользовался привозным (в виде иностранной валюты), то можно предположить, что данный производственный центр обладал монополией на изготовление золотых изделий. Продукцию этого центра отличает ярко выраженный репрезентативный харак-

тер, на что указывает, кроме всего прочего, источник поступления большинства предметов в Московское государство, связанный с посольскими привозами. Следует также подчеркнуть и еще одну особенность: изделия отмеченного центра нередко имели нехарактерные для иранского искусства формы и изобразительные мотивы, что, несомненно, свидетельствует об ориентации производства на экспорт. Приведенные данные позволяют предположительно отождествить рассматриваемый центр с исфаханскими придворными мастерскими «кархане», где, как известно, было сосредоточено производство предметов роскоши для шахского двора и изделий, предназначенных для вывоза в различные страны мира, в том числе и в страны с христианским населением.

Детальный и подробный разбор деятельности центра, с тщательным художественным анализом его продукции, соотнесение ее с общим развитием иранского искусства XVI — XVII вв. должны составить предмет самостоятельного исследования³¹.

¹ Музеи Кремля, инв. № К—209, К—210, К—212, К—213, К—1015.

² См.: Денисова М.М. Конюшенная казна. Парадное конское убранство XVI—XVII вв. — В кн.: Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954, с. 276, 280, 281, рис. 23, 24; Кириллова Л.П. Конюшенная казна. — В кн.: Оружейная палата. М., 1964, с. 309—310; Путеводитель по выставке иранского и турецкого искусства XVI—XVII вв. М., 1960, с. 4—5, рис. 2, 3; Оружейная палата Московского Кремля. М., 1969, примеч. к № 136; По Кремлю. М., 1970, с. 229.

³ См.: Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586—1612 гг. М., 1976.

⁴ Часть их была опубликована (см.: Вельтман А. Московская Оружейная палата. М., 1860; Савваитов П. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб., 1865; Викторов А.Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. Вып. 1, 2. М., 1878, 1883, Кологривов С.А. Материалы для истории сношений России с иностранными державами в XVII в. — Вестник археологии и истории. Вып. 20. СПб., 1911; Успенский А. И. Столбцы бывшего архива Оружейной палаты. Вып. 1. М., 1912; Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 1—7. М., 1884—1893).

⁵ Цит. по кн.: Викторов А.Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. Вып. 1, с. 22.

⁶ Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией. Т. 1. СПб., 1890, с. 129—130.

⁷ Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586—1612 гг., с. 130.

⁸ Музеи Кремля, инв. № К—212.

⁹ См.: Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586—1612 гг., с. 121—144.

¹⁰ См.: Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией. Т. 1, с. 13—112.

¹¹ См.: По Кремлю, с. 229.

¹² Цит. по кн.: Викторов А.Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. Вып. 1, с. 26—27.

¹³ Там же. Вып. 2, с. 498.

¹⁴ Музеи Кремля, инв. № К—213.

¹⁵ См. A Survey of Persian Art from Prehistoric Times to Present. Vol. 9. Tokyo, 1967, pi. 906a, 913a.

¹⁶ Ibid, pi. 898.

¹⁷ См.: Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией. Т. 1, с. 130.

¹⁸ См.: Викторов А.Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. Вып. 1, с. 26.

¹⁹ Там же. Вып. 2, с. 496.

²⁰ Музеи Кремля, инв. № К—210.

²¹ Там же, инв. № К—1015.

²² Там же, инв. № Р—28.

²³ Там же, инв. № Р—29.

²⁴ Там же, инв. № ОР—208.

²⁵ Там же, инв. № ОР—188.

²⁶ Там же, инв. № ДК—840.

²⁷ Там же, инв. № ДК—263.

²⁸ Там же, инв. № МР—270, МР—2698.

²⁹ Там же, инв. № КН—1.

³⁰ См.: Кикнадзе Р.К. Из истории ремесленного производства в Иране XII—XIV вв. М., 1962, с. 47.

³¹ Некоторые положения и выводы определенного этапа исследования были сделаны нами в докладе «Группа золотых изделий иранской работы XVI—XVII вв. из собрания Музеев Кремля», прочитанном 20 сентября 1979 г. на IV Республиканской научной конференции по проблемам культуры и искусства Армении в Ереване.